

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ

УДК 94(47+57)“16”

ТРАДИЦИОНАЛИЗМ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ XVII ВЕКА: ГРЕКОФИЛЫ

А. Г. Васильева

Пермский государственный национальный исследовательский университет, 614990, Пермь, ул. Букирева, 15
VAssumitra@yandex.ru

Исследуются основные идеи грекофильского направления традиционализма в общественной мысли России XVII в. Рассматриваются дискуссии, в результате которых были сформулированы его основные положения. Особое внимание уделяется ценностям и авторитетам, к которым апеллировали грекофилы.

Ключевые слова: общественная мысль, традиционализм, грекофилы, образование в России XVII в.

Традиционализм – направление мысли, ориентированное на ценность прошлого, – возникает тогда, когда привычному образу мышления появляется альтернатива, а известные образцы поставлены под сомнение [Шацкий, 1990, с. 360]. Традиционализм, опирающийся на наследие прошлого, никогда не принимает его целиком. Традиция как комплекс конкретных идей и образцов всегда конструируется, отдельные ее элементы являются результатом осознанного или неосознанного отбора [Там же, с. 378].

Русский традиционализм XVII в., возникший в ответ на вызовы времени, не был однородным. В нем существовало два направления, каждое из которых конструировало собственную традицию. Грекофилы, опираясь на давние, прочные связи с православным востоком, считали образцом греческую, восточно-христианскую традицию. Ревнителю старины превозносили национальный опыт и отвергали любое иноземное влияние, как западное, так и восточное. Для обоих направлений традиционализма принципиальной ценностью была преемственность, сохранение неизменным идеала, лежавшего в прошлом. Любые изменения и нововведения оценивались в первую очередь с позиций соответствия идеалу, особенно для каждого направления.

В предлагаемой статье в центре внимания – история становления грекофильского течения в русском традиционализме, тесно связанная с дискуссиями грекофилов как с внутренними оппонентами – ревнителями старины, так и с внешними – европейцами-латинствующими.

Важно уточнить, что общественная мысль в России в XVII в. существовала и развивалась в основном в рамках религиозного дискурса. Мировоззренческая полемика имела форму теологических споров, велась в богословских категориях и часто по обрядовым вопросам.

Представители двух направлений традиционализма, ссылавшиеся на разные авторитеты, по-разному решали принципиальные вопросы. Соглашаясь друг с другом в том, что привычное предпочтительнее нового, традиционалисты дискутировали между собой о содержании традиции, о конкретных идеях и авторитетах. Они единодушно отрицали новации, приходящие в основном с Запада и отстаиваемые европейцами.

В историографии идеи традиционалистов XVII в. рассматриваются преимущественно с точки зрения истории церкви. Воззрения представителей обоих направлений – ревнителей старины и грекофилов – исследуются в трудах, посвященных церковному расколу. Наиболее весомыми до сих пор остаются работы историков XIX в. – П. С. Смирнова [Смирнов, 1895] и Н. Ф. Каптерева [Каптерев, 1887; 1909]. Спор грекофилов и латинствующих основательно изучался Г. Мирковичем [Миркович, 1886]. Деятельность отдельных грекофилов рассматривалась в биографических исследованиях [Патриарх Никон, 2004; Верюжский, 1908], а также в работах, посвященных отдельным произведениям и дискуссиям [Панич, 2004; Фонкич, 2003; 2009].

Споры о деталях богослужения в России оборачивались дискуссиями об образцах для подражания в духовной жизни и служили поводом к максимально четкой формулировке идей. Так,

споры, развернувшиеся вокруг исправления церковных книг и обрядов в середине XVII в., и последовавший за ними церковный раскол, провели границу между основными направлениями традиционализма, а полемика о литургических проблемах в 1680-х гг. противопоставила традиционалистов-грекофилов и европейцев-латинствующих.

Ревнителю старины и грекофилам обсуждали, нужно ли исправлять церковные книги и обряды, и если нужно, то по каким именно образцам. На первый план вышла проблема авторитета современных греков: ревнителю старины отвергали все, созданное греками после взятия Константинополя турками в 1453 г., считая, что православие греков было «нарушено». Грекофилы полностью признавали современный греческий авторитет. Решение этого вопроса определяло конкретный состав конструируемой традиции. В рамках исследования идей грекофилов особенно интересны те аргументы, к которым прибегали сторонники исправления книг и обрядов по современным греческим образцам.

Состоятельность первых обрядовых изменений, произведенных патриархом Никоном в начале 1653 г., обсуждалась на церковном соборе в следующем году. Аргументируя необходимость исправлений, Никон сослался на Деяние Константинопольского собора 1593 г., утвердившего учреждение патриаршества в России. В акте говорилось о необходимости защищать церковь от нововведений: «...справедливость требует, чтобы и мы устраняли всякое нововведение в ограде церкви, зная, что нововведения всегда были причинами смут и разделения церквей» [Деяние..., 1865, с. 239].

После собора 1654 г. Никон отправил константинопольскому патриарху Паисию послание, в котором спрашивал об обрядовых различиях русской и греческой церковью. Ответ Паисия, зачитанный на соборе 1655 г., был представлен как легитимация действий Никона.

Наиболее последовательное обоснование необходимости исправлений и самое развернутое изложение аргументов в их пользу было представлено в предисловии к книге «Скрижалъ» – «Слове отвещательном» патриарха Никона. Сравнив современные издания с предыдущими и выяснив, что многие книги «неслична и несогласна» [Патриарх Никон, 2004, с. 94], автор решил «познати же истину точию дверми Божественнаго писания, а не сам собою» [Там же, с. 95] и обратился к древним книгам: «Многия убо собра елико возмогах обрести древних харатейных преводов книги славенска языка и сербска. И неудовлихся еще к сему, но болшаго ради уверения, послах и во святую гору Афонскую, в Грецию греческих ради преводов церковных и четых, еже бы исправили новыя нынешния печатныя книги, и рукописныя неисправленныя их же по желанию моему и получих» [Там же].

Самым главным обрядовым различием двух церковью Никон счел двоеперстие «и первее убо о сем ко Вселенныя председателю, Святейшему Патриарху Паисию архиепископу Константина града вопросителне писях с прочими главизнами церковных вин» [Там же, с. 95]. Патриарх Паисий якобы заверил Никона, что единственно верным является троеперстие. Кроме этого, автор обращался «к прилучившимся при нас в царствующем сем граде быти потреб своих ради Божия града Антиохии Патриарху Макарию, и Сербския земли града Пекксса Патриарху Гавриилу, и Никейска града митрополиту Григорию, и Молдавскому и Сучавскому митрополиту Гедиону» [Там же]. Перечисленные иерархи публично в присутствии царя и придворных прокляли сторонников двоеперстия, следующих творениям Феодорита: «А еже кто по Феодоритову писанию и ложному преданию творит, той проклят есть» [Там же].

Таким образом, в затруднительной ситуации установления истины патриарх Никон обратился не только к признанному в России авторитету древней греческой книжности, но и к авторитету других иерархов, признавая русскую церковь частью вселенского православия. Исправление русского обряда по современному греческому образцу представлялось возвращением к утраченному идеалу. Сомнения ревнителей старины, которые были сторонниками старого русского обряда, в том, что греки сами утратили этот изначальный идеал, не принимались во внимание.

Однако исследователи не уверены в состоятельности некоторых аргументов [Грамота..., 1881; Несколько слов..., 1881; Кантеев, 1909, с. 157, 159]. Сохранившаяся ответная грамота патриарха Паисия не имеет точной датировки, но ряд косвенных свидетельств (сопоставление времени пути, свидетельства о возвращении в Москву посланника с ответом на запрос и пр.) заставляет сомневаться в том, что на соборе 1655 г. была зачитана подлинная грамота. Кроме этого, ответная

грамота не содержала однозначного одобрения реформаторских действий Никона [Грамота..., 1881].

Арсений Суханов, посланный на восток для покупки книг, с помощью которых якобы были произведены исправления, вернулся незадолго до собора 1655 г., и при подготовке одобренной этим собором новой редакции Служебника у справщиков попросту не было времени в полной мере воспользоваться доставленными книгами [Кантеев, 1909, с. 159]. Тщательное исследование состава привезенных рукописей позволило сделать вывод, что целью Арсения Суханова было не собиране книг для исключительно литургической реформы, а создание фундаментальной разносторонней библиотеки [Фонкич, 2003, с. 149].

В данном случае не так важно, когда на самом деле прибыла ответная грамота Паисия и каков был состав доставленной Арсением Сухановым библиотеки, а важен тот факт, что Никон апеллировал к современному греческому авторитету и древней греческой книжности вне зависимости от достоверности этих ссылок. Скорее всего, именно эти авторитеты были настолько велики, что исходящая от них легитимация стоила того, чтобы сфальсифицировать необходимые прецеденты.

В 1658 г. патриарх Никон, поссорившись с Алексеем Михайловичем, добровольно оставил патриарший престол. Никон оказался в очень двусмысленном положении: с одной стороны, он покинул патриарший престол, с другой – не представил формального отречения и настаивал на своем праве по-прежнему вмешиваться в церковные и государственные дела. В 1666–1667 гг. состоялось три церковных собора: первый был посвящен суду над старообрядцами, второй – разбору дела патриарха Никона, третий, Большой собор 1667 г., на котором присутствовали александрийский патриарх Паисий и антиохийский патриарх Макарий, подвел итог обоим.

Собор 1667 г. окончательно сформулировал отношение московских властей к старообрядцам и их идеям. В первую очередь было выражено мнение по ключевому для этого конфликта вопросу – как относиться к современной восточной церкви: «Сие наше соборное повеление и завещание ко всем чином православным предаем и повелеваем всем неизменно хранить и покоряться святейшей восточной церкви» [Субботин, 1876, с. 218]. Тот, кто не покорится решению этого собора, будет проклят и предан анафеме.

Далее определялось отношение к тому, что было авторитетным для сторонников старого обряда. Собор 1667 г. отменил решения Стоглавого собора: «тую неправедную и безразсудную клятву Макариеву и того собора разрешаем и разрушаем, и той собор не в собор, и клятва не в клятву, но ни во что вменяем, яко же и не бысть» [Там же, с. 220]. Он также объявил неверными два авторитетных для старообрядцев текста: житие Евфросина Псковского («о еже писано в житии преподобного Евфросина, от сонного мечтания писателява, о сугубой алилуии, да никто тому верует» [Там же, с. 221]) и послание к митрополиту Геннадию о белом клобуке («да никто сему писанию веру иметь: зане лживо и неправо есть» [Там же, с. 236]). Отдельно была упомянута грамота патриарха Паисия, легитимирующая исправления («Епистолию патриарха Паисия святейшего патриарха вселенского о вещах церковных утвердиша» [Там же, с. 240]).

Деяния собора 1667 г. являются ярким примером конструирования традиции: грекофилы не просто включали или исключали те или иные компоненты из комплекса авторитетных образцов, они инициировали создание этих авторитетных источников.

В Деяниях собора 1667 г. затрагивалась еще одна проблема, которую ревнители старины и грекофилы решали совершенно по-разному, – проблема образования, учености. Ревнители относились к образованию с большой опаской, считая, что оно скорее отдаляет человека от истины, чем помогает ее постичь. Грекофилы заявляли, что образование необходимо для познания бога, а невежество – путь к гибели.

Одновременно невежество почти прямо называлось причиной раскола. Говоря о книге «Скрижаль», автор Деяний собора 1667 г. оговаривался, что читать ее нужно только людям образованным: «Невежди же аще будут прочитати, то неискусством их и неучением разум свой токмо будут потопляти и погибнут, яко же пострада и Никита поп, Лазарь, Аввакум и прочии невежди» [Там же, с. 239]. Позже патриарх Иоаким в «Поучении в нашествие варваров» писал, что новые исправленные книги напечатаны «советом и истинным разумом, и учением грамматических правил, яко всем есть разумно. А они ни оных словес силы, ни с чего сделаны, и како что исправлено бысть, не разумеют, и таким неуметным слепцом и невегласом писания божественных книг знати есть невозможно» [Гаврилов, 1872, с. 4].

Тезис о невежестве старообрядцев, появившийся в документах XVII в., долгое время был основной точкой зрения официальной церкви.

Следующим поводом для выражения взглядов грекофилов стал спор о времени «пресуществления святых даров». Мнение о том, в какой именно момент литургии хлеб и вино становятся телом и кровью Христовыми, лежит в основе одного из различий православной и католической церквей. Предпосылки спора исследователи [Панич, 2004, с. 51; Миркович, 1886, с. 31–65] связывают с присоединением Украины к России в 1654 г.

Начало полемики было положено Епифанием Славинецким и Симеоном Полоцким, «хотя их прения не выходили за рамки академических бесед, очевидно, потому, что к тому времени полностью еще не оформился предмет спора и “разглагольства” о нем не стали повсеместными» [Панич, 2004, с. 53]. Этот спор обострился с приездом в Москву братьев Лихудов в 1685 г. Начало литературной дискуссии связано с трактатом Сильвестра Медведева «Хлеб животный» [Прозоровский, 1896, прил.], где выражалось мнение латинствующих. Ответом стали сочинение Евфимия Чудовского «Показание на подверг латинского мудрования» [Там же] и «Опровержение латинского учения о пресуществлении» [Там же]. Позже к литературной полемике присоединились братья Лихуды и Афанасий Холмогорский. Моментом завершения бурного спора можно считать 1690 г., когда на церковном соборе были официально осуждены точка зрения латинствующих и Медведев как главный ее выразитель. Медведев был арестован в 1689 г. по обвинению в покушении на жизнь царя Петра и патриарха и был казнен через два года.

Развернутое изложение точки зрения грекофилов содержится в сборниках «Остен» Евфимия Чудовского [Евфимий, инок, 2006] и «Щит веры» Афанасия Холмогорского [Панич, 2004, прил.]. Теологическая дискуссия о деталях литургической практики по сути своей оказалась полемикой об образцах для подражания, только на этот раз выбор предстоял между греческим и латинским вариантом. Обсуждение превосходства образа мысли стало одновременно обсуждением преимуществ латинского или греческого языка и западного или восточного типа образования.

В споре с латинствующими грекофилы апеллировали к давности и непрерываемой преемственности, от апостолов через святых отцов к восточной и отождествляемой с нею русской церковью, которая противопоставлялась западной церкви с ее нововведениями: «Истинно же о сем, по разуму святых восточных церквей, что разглагольство учителей православных ко ученикам их, не от себя самих (яко зде) разглагольствуемое, но от св. апостолов и св. вселенских синодов и иных многих святых учителей древних богословов словеса и разумением свидетелствованное и утвержденное. Оно разглагольство (подобает) искренним сыновом святых восточных церквей прочитати и разумениям св. отцов последовати, а не без свидетелств святых отцов словес и писаний баснословимому сему разуму и разглагольству, чужду сущу св. матерее нашей и отцов святых, чуждаго бо сицевых гласа отбегати повелеваемся, и не всяким ветром учения влятися повелевает св. Апостол и обноситься во лжи человеческой, яковая лжа зде последовно обретается» [Прозоровский, 1896, с. 445].

Доказывая правильность того или иного обряда, грекофилы ссылались не только на древних святых отцов, но и на современных греческих иерархов. Поклоны необходимо «творити по обычаю и чину святых восточных Церквей, матери церквей, егда грецы благовременно поклоняются и яко святейшии патриарси, бывши в царствующем граде Москве во днх благочестиваго царя, государя нашего и великаго князя Алексия Михайловича, всея Великия, и Малыя, и Белья России самодержца: Афанасий Петеларий, Константинопольский патриарх, ... Паисий, Александрийский патриарх; Макарий, Антиохийский патриарх; Паисий, Иерусалимский патриарх. И инии премножайшии архиереи, архимандрити, игумени, иереи, монаси и простолюдни, греции и серби, мунтяни и ивери, и инии восточного благочестия православнии народи, единовернии и купночиннии нам, ... молятся» [Панич, 2004, с. 309].

Из богословской дискуссии о деталях литургической практики выделяется отдельная дискуссия о языке как основе образования. В контексте теологической полемики язык, которому человек учился (т.е. источник, откуда он черпал свои идеи), являлся одним из основных признаков, определяющих его «православность». Так в «Щите веры» Симеон Полоцкий характеризовался как «человек и учен, и добронравен» но «предувещан от иезуитов», «к тому же книги их латинские токмо чтяше» [Там же, с. 229]. Но «у иезуитов бо кому учившихся, наипаче токмо латински, без греческо-

го, не можно бытии православному всема» [Там же]. Наоборот, «еллинский же диалект глубокий и пространный кладязь есть» [Прозоровский, 1896, с. 355].

Спор о языке как основе образования обострился в первой половине 1680-х гг., накануне приезда в Москву братьев Лихудов. Речь шла об открытии в Москве высшей школы, дискуссия велась о принципах ее работы и в первую очередь о том, какой язык будет основным – латынь или греческий.

В 1685 г. Медведев передал царевне Софье Алексеевне «Привилегию на Академию». Это был проект создания высшей школы, облеченной кроме образовательных функций полномочиями цензуры.хлопоты Медведева об организации высшего учебного заведения в 1684–1685 гг. вызвали реакцию партии грекофилов [Фонкич, 2009]. За короткое время было создано два специальных полемических труда, посвященных проблеме выбора языка: «Рассуждение, учитися ли нам полезнее грамматики, риторики, философии, и теологии, и стихотворному художеству, и отуду познавати божественная писания или, не учася сим хитростем, в простоте Богу угождати и от чтения разум святых писаний познавати? И [о том,] что лучше российским людям учитися греческаго языка, а не латинскаго» [Там же, прил.] и «Довод вкратце, яко учения и язык еллиногреческий наипаче нужно потребный, нежели латинской язык и учения и чем ползует славенскому народу» [Там же].

«Рассуждение...» начинается с констатации: «Яко простота сугуба есть, ова незлобие глаголется, еже есть добродетель терпения и непамятозлобия и немщениа обидящим, ова же невежество, рекше неучение, в ем же содержится невежество божиего закона, еже злоба есть преглубока» [Фонкич, 2009, с. 244]. Признавая необходимость учения как такового, автор ставил целью доказать, что греческий язык «и учение того знати потребнейшее есть и полезнее по многим винам» [Там же, с. 245]. Для того чтобы доказать превосходство греческого над латынью он прибегал к разнообразным аргументам, прежде всего к аргументам сугубо грамматическим: сравнивались греческий, латинский и славянский алфавиты («Овча подобно есть своей матери всячески по виду и нраву, яко славенская письмена греческим подобна суть») [Там же, с. 246], затем присущие трем языкам «части грамматики». Автор рассматривал, как отдельная грамматическая категория может изменить смысл высказывания в разных языках, и делал вывод, что «гречески же учайся вся будет тонкочаштно знати, и право богословствити» [Там же, с. 249], как и святые отцы на вселенских соборах. Латинский же язык «скуден и убог по себе самому, и за скудость свою овогда употребляет еллинская речения и имена, овогда же иными реченми изменяет». Латынь, по его мнению, по своей природе «далече отсутствует истины» [Там же, с. 250].

Далее шло рассуждение о том, что греческий и славянский связаны не только сходством грамматики, но и историей взаимоотношений церковей: «Отвсюду благословение дадеся явленно яко и от Бога и от архиереев, еже учитися славяном по гречески» [Там же, с. 259]. Автор ссылаясь на грамоты восточных патриархов, «повелеша учитися славянам греческому языку», на акт собора 1593 г., «еже бытии в Москве патриарху, написаша бытии патриарху московскому с ними во всем согласну и купночинну. Согласие же и купночинность инако како не имать бытии, точию от учения греческаго купно и славенского» [Там же].

Язык для автора «Рассуждения...» являлся неотъемлемой частью вероучения. Латынь плоха не столько потому, что отличается от греческого по строению языка, сколько потому, что неизбежно несет с собой ересь. Если в Москве начнет распространяться «латинское учение», «тогда что будет? Ничто ино, точию окопелый чистительного огня дымом латинского смышления зачнется куколь и родит любопрения, потом (пощади Боже) отступление от истины» [Там же, с. 260].

Греческий язык ведет к спасению: «Аще же народ великороссийский будет учитися грекославенски и чести книги оныя, всех сих предреченных бед избегнут» [Там же]. В этом случае не только «истинно ученицы Христовы будут, и здравии и тверди и непозыблени от прираждения инославных пребудут в православной вере» [Там же], но и «народи вси окружнии, сущии православия восточного, Богу возблагодарят и царскому величеству приклонятся» [Там же].

«Довод вкратце...» доказывал, что греческий язык является основой всех наук. Автор ссылаясь на западные источники («и свидетели тому не только греческие и славянские историки, но и самые латини» [Фонкич, 2009, с. 264] – Барония, Антонио Поссевино и др. На греческом написаны Библия и творения святых отцов: «При том и академии греческие и во многих странах и греческий язык является в немецком и французском языке» [Там же, с. 265]. Кроме этого, греческий язык до сих пор изучался вместе с латинским и признавался важнейшим: «сами латини во всех своих ака-

демиях и по ве время, яко основания себе предлагают и вкупе учатся греческому и латинскому языку, зане иное основание, кроме греков во всех свободных учениях, хотя и много трудились, вымыслити не могут» [Там же, с. 266]. Тем не менее «подобает наипаче учиться гречески, понеже не токмо тем языком вредится православная вера, яко латинским, но и зело исправляется, и учити купно со славенским, яко да времяе и словенский язык, который пребогат есть, очистился и мед иных ученых языков сочетался, а по греческом учении легче хотящему неврежденно учиться и латинскому, а в первых латинскому учиться велие опасение» [Там же, с. 267].

Язык для грекофилов являлся неотъемлемой частью вероучения и мог вести к спасению или гибели. Изучение греческого служило залогом преемственности, сохранения единства с восточным православием.

Следование греческим образцам само по себе было для грекофилов традицией. Справедливость копирования именно этих образцов они обосновывали давностью, традиционностью такого рода связей и лишь затем обращались к конкретным идеям и аргументам.

В отечественной общественной мысли XVII в., в традиционалистском сегменте поля производства идей, шла борьба за лидерство и символический капитал, дававший возможность навязывать собственные идеи своим оппонентам. В этом противостоянии временную победу одержали грекофилы, именно их идеи получили наибольшее распространение, однако к началу XVIII в. они утратили свою актуальность.

Библиографический список

Верюжский В. Афанасий, архиепископ Холмогорский. Его жизнь и труды в связи с историей холмогорской епархии за первые 20 лет ее существования и вообще русской церкви в конце XVII века. СПб., 1908.

Гаврилов А. Литературные труды патриарха Иоакима. М., 1872.

Грамота Константинопольского патриарха Паисия I к Московскому патриарху Никону // Христианское чтение. 1881. № 3, 4.

Деяние Константинопольского собора, 1593 года, которым утверждено патриаршество в России // Тр. Киев. Духовной академии. Киев, 1865. Кн. 4.

Евфимий, инок. Остен: памятник русской духовной письменности XVII века. СПб., 2006.

Каптерев Н. Ф. Патриарх Никон и его противники в деле исправления церковных обрядов. Время патриаршества Иосифа. М., 1887.

Каптерев Н. Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Сергиев Посад, 1909. Т. 1.

Миркович Г. О времени пресуществления святых даров: Спор, бывший в Москве во второй половине XVII века. Вильна, 1886.

Несколько слов по поводу первого издания грамоты Константинопольского патриарха Паисия I к Московскому патриарху Никону // Христианское чтение. 1881. № 9, 10.

Панич Т. В. Книга «Щит веры» в историко-литературном контексте конца XVII века. Новосибирск, 2004.

Патриарх Никон. Труды. М., 2004.

Прозоровский А. Сильвестр Медведев // Чтения в императорском Обществе Истории и Древностей Российских при Московском университете. 1896. Кн. 2–4.

Смирнов П. С. История русского раскола старообрядства. СПб., 1895.

Субботин Н. И. Материалы для истории раскола за первое время его существования. М., 1876. Т. 2.

Фонкич Б. Л. Греко-славянские школы в Москве в XVII веке. М., 2009.

Фонкич Б. Л. Греческие рукописи и документы в России в XIV – начале XVIII в. М., 2003.

Шацкий Е. Утопия и традиция. М., 1990.

Дата поступления рукописи в редакцию 04.04.2012

TRADITIONALISM IN THE INTELLECTUAL THOUGHT OF XVII CENTURY IN RUSSIA: GRAECOPHILES

A. G. Vasileva

Perm State University, Bukireva st., 15, Perm, Russia 614990
VAssumitra@yandex.ru

The article examines the main ideas of Graecophiles, one of the trends of Russian traditionalism of the XVIIth century. The author defines the term traditionalism as a trend of thought with the ideals of the past. At the same time, traditionalism didn't take the whole past, consciously or not it selected the components of tradition.

In Russia in the XVIIth century traditionalism consisted of two schools. One of them, Zealots of antiquity, was based on national experience and authorities and rejected any foreign ones. Graecophiles followed the east orthodox traditions. Both of them appreciated continuity more than something else.

The author pointed out that Russian culture of the XVIIth century was still religious and intellectual thought used religious terms and categories to discuss different cultural problems.

The article describes two main discussions and defines Graecophiles' ideas which followed. The discussion of the correction of liturgical rites and books in the middle of the XVIIth century drew a divide between Graecophiles and Zealots of antiquity. Graecophiles tried to eradicate it after Greeks patterns, Zealots of antiquity rejected any Greek authorities.

Graecophiles opposed Europeanists in a debate on liturgical details in the 80s of the of XVIIth century. At the same time, they discussed a problem of higher education in Russia whether it should be based on Latin or Greek tradition. Graecophiles tried to prove superiority, the advantages of Greek and harm, the drawbacks of Latin.

Special attention is paid to values and authorities which Graecophiles relied on.

Key words: intellectual thought, traditionalism, Graecophiles, education in the XVIIth century Russia.

References

- Deyanie Konstantinopolskogo sobora, 1593 goda, kotorym utverzhdeno patriarshestvo v Rossii // Trudy Kievskoy Dukhovnoy Akademii. Kiev, 1865. B. 4.
- Fonkich B. L.* Grecheskie rukopisi i dokumenty v Rossii v XIV – nachale XVIII veka. Moscow, 2003.
- Fonkich B. L.* Greko-slavyanskije shkoly v Moskve v XVII veke. Moscow, 2009.
- Gavrilov A.* Literaturnye trudy patriarkha Ioakima. Moscow, 1872.
- Gramota Konstantinopolskogo patriarkha Paisiya I k Moskovskomu patriarkhu Nikonu // Khristianskoe chtenie. 1881. No. 3–4.
- Kapterev N. F.* Patriarkh Nikon i ego protivniki v dele ispravleniya tserkovnykh obryadov. Vremya patriarshestva Iosifa. Moscow, 1887.
- Kapterev N. F.* Patriarkh Nikon i tsar Aleksey Mikhaylovich. Sergiev Posad, 1909. Vol. 1.
- Mirkovich G.* O vremeni presushchestvleniya svyatykh darov. Spor, byvshiy v Moskve vo vtoroy polovine XVII veka. Vilna, 1886.
- Neskolko slov po povodu pervogo izdaniya gramoty Konstantinopolskogo patriarkha Paisiya I k Moskovskomu patriarkhu Nikonu // Khristianskoe chtenie. 1881. No. 9–10.
- Panich T. V.* Kniga «Shchit very» v istoriko-literaturnom kontekste kontsa XVII veka. Novosibirsk, 2004.
- Patriarkh Nikon. Trudy. Moscow, 2004
- Prozorovskiy A.* Silvestr Medvedev // Chteniya v imperatorskom Obshchestve Istorii i Drevnostey Rossiyskikh pri Moskovskom universitete. 1896. B. 2–4.
- Shatskiy E.* Utopiya i traditsiya. Moscow, 1990.
- Smirnov P. S.* Istoriya russkogo raskola staroobryadstva. Saint Petersburg, 1895.
- Subbotin N. I.* Materialy dlya istorii raskola za pervoe vremya ego sushchestvovaniya. Moscow, 1876. Vol. 2.
- Veryuzhskiy V.* Afanasiy, arkhiepiskop Kholmogorskiy. Ego zhizn i trudy v svyazi s istoriey kholmogorskoj eparkhii za pervyya 20 let eya sushchestvovaniya i voobshche russkoy tserkvi v kontse XVII veka. Saint Petersburg, 1908.